

С. Б. Никонова⁶

ИСТОКИ И ГРАНИЦЫ ИДЕИ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

В XX веке национализм, понятие нации, национальная идея столь радикально и многосторонне проявили себя как действующая сила истории, что подвергнуть сомнению реальность их существования весьма сложно. Кажется, что национальная принадлежность

человека и существование наций в целом — вещь сама собой разумеющаяся, хотя мы можем иметь дело с «плохими» и «хорошими», вредоносными или благотворными проявлениями национализма. Главная проблема, связанная с национализмом, — то, как сделать эти проявления благотворными. Когда говорят о национализме, сразу вспоминаются две крайности: с одной стороны, нацизм и его катастрофические последствия (в связи с чем национализм представляется явлением крайне опасным), с другой — борьба угнетенных народов за право на национальное самосознание и самоопределение (к примеру, имевшая место в XX в. борьба колоний за свободное существование), становление, укрепление и сохранение национальных культур. Поэтому и возникает проблема следования национальным интересам: как отрегулировать «хорошие» и «плохие» стороны такого требования? Какое место в современ-

⁶ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Реализация виртуального в аудиовизуальном пространстве новых медиа», «Глобализация–образование–искусство: к проблеме сохранения гуманитарных знаний в контексте универсализации культуры», «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление».

ном глобальном мире эти национальные интересы занимают?

Зададимся, однако, вопросом: «Что определяет национальную принадлежность человека?» с этнической принадлежностью все понятно: она передается по рождению, по крови. Где бы человек ни жил и что бы ни думал, у него уже есть родители. Конечно, он может узнать нечто о своем происхождении, чего прежде не знал, узнать о своих предках, что они имеют этническую принадлежность, о какой он и не помышлял¹. Кроме того, возможны этнические смещения, причем весьма многообразные. Но все-таки это объективный факт, возможно, имеющий очень большое, а возможно, не имеющий вообще никакого значения для человека. Так и с принадлежностью к государству: она определяется по месту проживания, по подданству определенной власти. Его можно сменить, но в любой момент времени это объективный факт.

Но к какой нации принадлежит человек? Когда при переписи населения требуют указать национальность — ответ может быть любым. По сути, к какой нации человек себя приписывает, с какой идентифицирует — к такой и принадлежит. Таким образом, факт национальной принадлежности относится скорее к сфере ценностей, нежели к объективно-фактической. Это явление гуманитарное, а не физическое. И как таковое оно принадлежит воображению. Не случайно английский исследователь Б. Андерсон в своем фундаментальном и краеугольном для дискурса о национализме труде называет нации «воображаемыми сообществами»². Это не значит, что все факторы — этническая принадлежность, государственное подданство, а также земля, религия, культура, даже любовь — не имеют значения. Воображению все поставляет богатейший материал. Но перерабатывает оно его всякий раз по-своему.

Поэт Иосиф Бродский однажды сказал, что национальная принадлежность определяется языком. Кажется, трудно сказать более точно. На каком языке человек думает и пишет — такова и его нация. Но ирония в том, что это сказал человек, писавший и на русском, и на английском, поменявший российское гражданство на американское и настолько преданный Италии, что был даже похоронен там по решению друзей, а вовсе не на Васильевском острове, куда он собирался прийти умирать в свои юные годы. Какой язык определял его жизнь? Какая страна? Какая идея?

Этническую принадлежность сменить нельзя, в отличие от государства, которое можно легко сменить, не утратив приверженности к нации. Но смена нации меняет в человеке саму суть. Что же есть нация? Она шире этноса и далеко выходит за пределы государства. Хотя и этнос имеет первоочередное значение для определения нации, и в государственной идее нация играет

¹ Так, в романе Дж. Элиот «Дэниэл Деронда» (1876) молодой англичанин из аристократических кругов фундаментальным образом переосмысливает свою жизнь, узнав о своем еврейском происхождении, и принимает это открытие как вызов, требующий от него решительных действий в поиске и возвращении еврейскому народу Земли обетованной.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001.

существенную роль. Можно сказать, что под нацией понимают некий дух, не физическую и не юридическую, но именно духовную общность.

Интересно заметить, что разработка понятий «нация» и «дух» в истории мысли происходила одновременно. Причем и то и другое понятие в современном их применении имеет весьма недавнее происхождение. Они стали предметом пристального внимания в XIX веке, когда Гегель, венчая своей системой немецкую классическую философию, создает «философию духа», а по всей Европе победным маршем проходит становление идеи национальных культур, вдохновляемое романтизмом.

Идея «духа», сформулированная Гегелем, была новой и удивительной, поскольку лишала определение духа его религиозных коннотаций, а точнее, подчиняла его религиозную трактовку некой более фундаментальной, антропологической. Дух — это человек, входящий в историю как на арену борьбы за признание, самоопределение (борьбы, всегда связанной с пониманием его собственной конечности, смертности, условности). Только эта борьба и итоговое самоопределение приводят дух к абсолютному бытию, включающему всю тотальность развертывания мира во времени. Будучи смертным, он через сознание смертности достигает бессмертия, утверждает себя как истинную вечность.

Это атеистическое антропологическое понятие духа закрепилось в европейской мысли, разрабатываясь в категориях духа как субъекта, негативности, самосознания, способности сказать «нет» миру, выдвинутой в «ничто», и нашло наиболее радикальное оформление у А. Кожева — удивительного философа, русского по происхождению, француза по сути, повлиявшего на весь французский последующий философский дискурс, а также на французскую политику, но оставшегося в тени и известным лишь в узких кругах.

Был ли Кожев русским, или французом, или гражданином мира? Выскажем предположение: именно маргинальная позиция по отношению к обеим национальным идеям позволила ему радикально отклониться от одной и резко проникнуть в другую, чтобы оказать на нее влияние. Он сказал то, чего не мог сказать француз, но чего не мог бы сказать и русский, если бы они оставались в своей идентичности. Он вывел на поверхность то, что в обеих национальных идеях граничило с радикальным бунтом, нигилизмом.

Итак, национальная общность воображаема, и хотя идентификация с ней базируется на множестве внешних факторов, она относится к сфере ценностей, а не фактов. Эту общность можно охарактеризовать как общность духовную, причем дух следует интерпретировать в секулярно-антропологическом контексте как субъективно мыслимую определенность и конкретность в историческом процессе как процессе борьбы...

Этимология понятия «нация» — племя, народ — указывает на рождение, сыновнюю привязанность к родине. Да, эта привязанность может быть скорее духовной, чем физической, хотя и физической не быть не может. И германские нацисты видели здесь некото-

рую суть, уничтожая даже тайных евреев — тех, кто не знал о своем еврействе, выискивая еврейские корни, ощущая, что голос крови передается генетически — по роду — и потому неизбежно будет нигилистически подрывать дух нации, в которую волеется, нести в себе идею негативности. Инородность всегда мыслится как разрушительная. Как будто дух передается с молоком матери и отеческой кровью. Но это языческая идея, древняя, архаическая форма представления духа, крайне чуждая, к примеру, христианству как наднациональному мировому проекту. В христианстве перед Богом нет ни эллина, ни иудея (Кол. 3: 11), потому что душа и тело мыслятся как полностью разделенные. Что бы ни случилось с телом, дух пребывает в себе и остается руководящей субстанцией. Поэтому для христианской общности неважно, кто ты по происхождению, важно, что ты христианин. Не случайно Христос отвергает семью и род, говоря: «Враги человеку — домашние его» (Мф. 10: 36).

Начинает казаться, что нация — понятие древнее, архаическое, имеющее связь с кровью, родом, но впоследствии постепенно начинающее переосмысливаться и приобретать характер духовного единства, единства скорее веры, мировоззрения, чем происхождения... и здесь мы сталкиваемся с ярким противоречием: ведь именно происхождение, эксплуатирующееся понятием «нация», оказывается совершенно ненужным, чуждым практически любым развитым религиозно-мировоззренческим традициям. Как вышло, что после денационализованного Средневековья вдруг в эпоху Возрождения идея нации, рост национального самосознания, развитие национальных языков становятся передовой и прогрессивной идеей, если этот принцип является первобытным, архаическим?

Здесь можно обратить внимание на определения нации. По первой же ссылке, набранной в поисковой системе Интернета (то есть это лежит на поверхности!), мы видим: нация — это «социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность индустриальной эпохи». Историческая принадлежность понятия здесь описана точно. Понятие нации характеризует одну эпоху, начинающуюся от Возрождения и продолжающуюся до настоящего момента, и один тип культуры — пошедшей по пути развития промышленности и формирования буржуазного порядка (культуры западноевропейской с ее экспансией, колониями и даже глобализацией). Именно развитие этой культуры связано с актуализацией странного понятия «нация», парящего над понятием «этнос» и способствующего созданию «национального государства» — поверх этносов и в стороне от религий и мировоззрений.

Но здесь возникает еще один вопрос: «Если итогом развития этой культуры является глобальная экспансия и универсализация всех цивилизационных процессов, становление наднациональных организаций, мирового экономического порядка, системы интернациональных взаимосвязей, то есть если в конечном счете эта культура, как из пут, пытается вырваться из национализма, то как она могла быть связана с ним в своих истоках?»

В сборнике, название которого переведено на русский как «Нации и национализм», но по-английски подразумевает скорее попытку построить некую карту, проследить путь определения нации (“Mapping the Nation”. 1996), один из авторов пишет: «В свете текущих дискуссий по данному вопросу в средствах массовой информации как-то неловко припоминать, что не так уж много лет назад национализм повсеместно считался одним из самых прекрасных подарков, преподнесенных Европой всему остальному миру. Нечасто сегодня вспоминают и то, что две величайшие войны XX века, охватив практически весь земной шар, были вызваны неспособностью Европы справиться с ее собственным этническим национализмом. Национализм любой разновидности — как “хороший”, так и “плохой” — целиком и полностью был результатом политической истории Европы. Несмотря на торжество различных объединительных тенденций в нынешней Европе и политическое согласие на Западе в целом, в нынешнем забвении истоков национализма, похоже, есть нечто большее, чем признак беспокойности тем, прочно ли он присмиривен на земле, в которой родился»¹.

«Неспособность Европы справиться со своим этническим национализмом» — национализмом, порожденным самой историей Европы, резко порвавшей со средневековым порядком, совершенно не учитывающим интересы этносов и индивидов. По сути, обособление нации происходит одновременно с обособлением человеческого субъекта, приобретением им автономии, декларацией его права на следование собственным интересам. Нация по отношению к этносу — то же, что субъект по отношению к биологическому индивиду. Он имеет с ним некоторую общую пространственную определенность, локализуется в нем, но напрямую к нему не привязан, является духом по отношению к тому, что индивид предстает как материя. И национальное государство — это локализованное в пространстве на базе некоей этнической общности духовное единство, ведущее к выделению суверенной субъектности своей власти, не связанной более ни с какими сакральными или метафизическими идеями. Суверенное самоопределение — основа нового демократического, секуляризованного порядка, находящего единственное эквивалентное выражение в капитале как символической мере своих внутренних взаимоотношений.

Обратим внимание, как в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс описывают процесс влияния буржуазного порядка на нации: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем... на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходят всесторонняя связь

¹ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // Нации и национализм. М., 2002. С. 284.

и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»¹.

Далее, в следующем абзаце, они говорят о том, как формируются национальные государства: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»².

Что мы получаем в итоге этой деятельности, какая конечная согласованность одновременного процесса стирания национальных различий в одной всеобщей буржуазной цивилизации и утверждения четко очерченных национальных государств? Мы получаем мир совершенно равномерный, созданный по единой схеме, в котором отныне действуют не различные самобытные и несводимые друг к другу образования, но равные и свободные субъекты, обладающие определенными интересами в этой единой структуре, ведущие между собой борьбу и устанавливающие определенный баланс сил.

Идея нации, национальной определенности, национальной самобытности имеет не «культурологический» смысл и не подразумевает в первую очередь сохранение своей традиции и ценностей. Эти традиции и ценности — лишь условие, бренд, товар в общем едином пространстве политико-экономической конкуренции.

Таким образом, новый порядок, подразумевающий идею нации, пользуется некоторыми свойствами и особенностями культурных различий, основанных на местных традициях, этнических разноречиях, в своих целях, а в конечном счете эти различия должны быть полностью стерты и уничтожены, выхолащены до состояния отличительного значка, обозначающего принадлежность к той или иной команде. Борьба идет на совершенно другом уровне.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 2013. С. 33.

² Там же. С. 34.

Тем удивительнее и яростнее оказывается вторжение национальной подосновы в эту деятельность экономико-политических субъектов, подобное вторжению непристойной изнанки перверсивных желаний в деятельность автономного практического разума, которое мы видим в явлениях национализма и нацизма последнего столетия, с которым «не может справиться Европа».

Можно сказать, что идея нации и становление национального государства сыграли в истории Европы ту же роль, что и абсолютная монархия. Резко отличаясь от прежних сакрализованных монархий, последняя ставила своей единственной целью ослабление власти родовой аристократии, сосредоточение ее в руках одного правителя, который смело мог заявить: «Государство — это я». Его власть еще могла прибегать к формальным отсылкам к религии, но на деле уже не нуждалась в священном как гаранте своей легитимности. Гораздо лучше эта система легитимности описывается в политической теории Т. Гоббса. Нужно иметь в виду, что Гоббс отнюдь не ограничивает возможные формы правления единовластием монарха. Суверен Гоббса в корне отличен от любого человеческого индивидуума. Это светская десакрализованная система законов и отношений, принимаемая как общественный договор. Способ установления власти здесь является скорее демократическим: договариваются все, именно поэтому и не могут свергнуть решения собственной воли. Следовательно, абсолютная монархия готовит плацдарм для демократического переворота и становления буржуазной республики, в наибольшей мере соответствующей идее нового порядка взаимодействия автономных субъектов на основе принципа конкуренции.

Так же и национальное государство — оно разрушает все прежние связи, сакральные, освященные религией, традицией, духом предков, родовой принадлежностью, неким «гением места», духом земли (то есть всем тем, что определяло когда-то локальную древнюю размеренную и священную жизнь деревенской общины), и выстраивает систему общности на совершенно новых, сугубо рациональных основаниях, заимствуя из древнего духа только имя для своего идеологического конструкта.

Таким образом, нация — это конструкт воображения, действенный в современной политико-экономической борьбе при условии, что мы придерживаемся капиталистического принципа этой борьбы и распределения интересов. Национальные интересы потому и существуют, что они представлены лишь в контексте глобальных вызовов, а глобальные вызовы потому и возможны, что имеется множество национальных интересов, играющих на едином поле. Однако выход из этой борьбы означает только проигрыш.

Ей может противостоять лишь теллурический, земной древний дух Отечества как земли, как крови, который в настоящих условиях также выхолащивается и становится простым определением приязни или неприязни к человеку по его внешнему виду (цвету кожи, разрезу глаз и т. п.), что в подвижном, перемешанном «постмодернистском» мире крайне странно. В конце

концов такое отношение является не более чем эстетическим, то есть оно ничего не определяет в предмете своей оценки, кроме чистого представления, так же как идея нации — ничего, кроме чистой идеологии. Дух земли проявляет себя не в идеологии и эстетике. Он живет в тайной партизанской борьбе за место, в которое уходит корень: «Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан»¹. Наверно, лучшее описание тайной сути такой борьбы дал писатель Л. Перуц в мистическом рассказе «Маркиз де Боливар», где буквально сама земля, освященная божественным благословением, посланным ее поселенцам, вынуждает регулярную армию рациональных и трезвомыслящих врагов отступить, совершая ряд саморазрушительных действий (рассказ вдохновлен отпором наполеоновской армии, данным партизанскими выступлениями испанцев). Но, восхищаясь духом земли и весомостью его требования, выступающего наперекор глобализационным процессам, мы должны иметь в виду, что его предделом будет не светлое новое царство духа, не торжество самобытности национальных интересов, за которое борются антиглобалисты, но достижение чего-то, подобного утопии, описанной Лао-цзы: «Лучше царству быть маленьким, а населению — редким... Пусть люди завязывают узелки вместо письма. Пусть люди наслаждаются едой и любят свою одежду, име-

ют покой в своем жилище и радуются своим обычаям. Пусть будут видны соседние селения, и оттуда доносятся лай собак и крик петухов. А люди до самой старости и смерти друг с другом не знаются»². Здесь нет и тени нацизма, потому что отсутствует сама идея встречи и коммуникации людей. При таких условиях они едва ли могут идентифицироваться как нация. Здесь есть следование традициям, но нет потребности в сознании и идентификации этих традиций.

Любая попытка познать и идентифицировать традиции делает их условными и тем самым лишает жизненной силы, обращая в музейные экспонаты и сувениры для туристов, а любая попытка обратить их дух в национальную идеологию чревата последствиями, подобными холокосту³. Также следует отметить, что пока у нас есть музеи культуры, эти последствия не могут быть окончательно признаны невозможными. И только предельная рефлексия, то есть то главное, что делает человека либо нацию автономным и суверенным субъектом, действуя вне всяких обобщающих правил и оснований, которые могли бы быть приняты какими-либо формальными интернациональными структурами в качестве законов, может удержать нас в глобальном пространстве одновременно пребывающими в своей культурной самобытности и избегающими катастроф нацизма.

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор 8 монографий, около 200 статей, более 30 учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Логика художественного отражения», «Теория и история мировой и отечественной культуры: учеб. пособие» (в соавт.), «Теория культуры» (в соавт.), «Теория искусства» (в соавт.), «Эстетика» (учебник) и др. Действительный член Международной академии информатизации. Член редколлегии ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре». Награжден медалями «В память 850-летия Москвы», «Шувалов» Российской академии художеств. Лауреат премии им. И. И. Шувалова.